

А.А. Гусейнов

Философия и идеология

(К столетию «Философского парохода»)

1. Прошлый (2022) год стал столетием события, получившего символическое обозначение «Философский пароход» - административной высылки за границу группы отечественных ученых и деятелей культуры, целенаправленно отобранных по критерию их враждебности к советской власти и ее идеологии (на официальном языке именовавшихся активными контрреволюционерами и представителями буржуазной интеллигенции)¹. Высылка осуществлялась пароходами, в том числе двумя из Петрограда, специально снаряженными для этой цели, а среди высылаемых была известные философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, И.И. Лапшин) – отсюда и возникшее задним числом и ставшее нарицательным обозначение «Философский пароход» (первоначально возникло как название большой статьи С.С. Хоружего в двух номерах «Литературной газеты» от 1990 года,² посвященной этому событию). Высылка была оформлена как пожизненное изгнание из страны (высылаемые подписывали добровольное согласие о невозвращении, в случае возвращения им грозил расстрел). Но, как говорится, никогда не говори «никогда»: через 65 лет (в 1987 году) произошло возвращение «Философского парохода», и оно явилось уже дважды символическим: не было никаких пароходов, не было уже и тех, кто мог бы вернуться. «Философский пароход» стал важной категорией современной отечественной культуры и именно в

¹ Подробно это событие проанализировано в работе: Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. - Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002.- 224 с.

² С.С.Хоружий. Философский пароход. Как это было? // «Литературная газета», 1990 г. 9 мая, 6 июня.

этом качестве его столетний юбилей был отмечен общественностью страны. Сама растянутость на многие десятилетия свидетельствует о том, что речь идёт о едином (одном) большом событии, которое имеет исторический масштаб и свою глубокую, закономерно обусловленную социальную природу.

Существует некая симметрия между началом и концом этого события.

Решение отправить в эмиграцию (выслать из страны) группу известных философов было несомненно политическим актом – одним из демонстративных действий высшей власти, предпринятых Главным политическим управлением под общим и оперативным руководством политбюро ВКП(б) для того, чтобы идеологически закрепить монополию своей партийной марксистской философии, возвести её в ранг государственной идеологии.

Возвращение к изгнанным некогда именам (снятие государственной цензуры, необходимость издания и изучения их произведений) началось с решения политбюро ЦК КПСС от 12 мая 1988 года «Об издании серии «Из истории отечественной философской мысли». В приложенной записке А.Н. Яковлева, в частности, было сказано, что «по разным причинам предан забвению целый массив философских произведений, который составил бы честь культуре любой европейской страны... Долгий период «замалчивания» привел к негативным результатам»,³ в поименный список философов, произведения которых были рекомендованы к изданию, были включены также пассажиры «Философского парохода», труды было поручено готовить журналу «Вопросы философии», а издавать – партийному издательству «Правда». Именно легализация и даже акцентированное стимулирование запрещенного творчества некогда изгнанных философов придает этому Постановлению несомненно политический характер и позволяет считать официальной датой возвращения «Философского парохода».

3. Яковлев А. Перестройка: 1985–1991. Неизданное, малоизвестное, забытое. 1988 год, док. № 36. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023684>

Насколько мне известно, данное Постановление, открывшее путь возвращению творчества (произведений) пассажиров «Философского парохода», исследовано не так подробно и конкретно, как подготовка и осуществление их изгнания, о котором мы знаем, почему это изгнание произошло, кто персонально были его вдохновителями и организаторами, как оно протекало и т.п. Может быть, для последующих поколений такое исследование и будет необходимо для того, чтобы понять его действительное значение, но для нас, людей, находившихся в эти годы в философской среде, в этом не было нужды, ибо реальный смысл данного Постановления не составлял никакой тайны. За ним стояло глухое недовольство умов, тяготившихся узкими рамками партийной идеологии и желавших вырваться на свободный простор самостоятельного мышления. Его общественный эффект можно уподобить эффекту напора воды, прорывающего стоящие на его пути шлюзы. /

Возвращение «Философского парохода» было не таким открытым и демонстративным, как акт изгнания, оно было прикрыто желанием лучше осветить «обоснованность и оправданность политики и идеологии большевиков».⁴ Оно тем не менее, как показали последующие события, было понято гуманитарной общественностью как фактическое признание того, что «Философский пароход» был ошибкой и что на нём вместе с философами государство изгоняло философию как свободное человеческое занятие. Быстро начавшееся заполнение белых пятен отечественной философии кардинально изменило её социальный статус.

2. «Философский пароход», рассмотренный как единое историческое событие и целостное общественное явление, можно рассматривать как реально осуществленный научный эксперимент, раскрывающий характер соотношения философии и идеологии, говоря точнее, как ответ на вопрос о том, в какой мере философия может быть возведена в ранг государственной идеологии.

⁴ Там же

Что касается общественного смысла самой идеи изгнания из страны определенной группы философов, почему и как это произошло, то здесь всё ясно⁵. Философы изгонялись как люди, вольная или невольная вина которых состояла в том, что они не разделяют марксистских взглядов и не поддерживают новую власть. И изгонялись они самой этой властью.⁶ Реальным результатом «Философского парохода» стала реорганизация характера деятельности в области философии, которая проходила по двум взаимосвязанным направлениям: а) исключение из официально санкционированного публичного пространства страны всех философских направлений, кроме марксистско-ленинского; б) систематические, осуществляемые с разным успехом, но всегда противоречивые практические мероприятия по возведению самого этого единственного считавшегося истинным направления в ранг государственной идеологии⁷ (к слову заметить, среди этих мероприятий одним из важных считалось составление цельного и популярного свода, своего рода катехизиса, правильного понимания правильной философии). Постановление Политбюро от 12. 05 1988 г. повернуло движение в обратном направлении: оно стало началом отхода от монополии марксизма в стране, а в итоге и от государственной идеологии вообще. Оно фактически сняло запрет на те имена и произведения, на которые он был наложен в 1922 году.

Первым, самым очевидным и важным его следствием стал вновь обретенный Россией философской плюрализм публичной жизни. Это означало, что результат эксперимента оказался отрицательным. Но, кажется,

⁵ «Таким образом, при некотором разбросе мнений, исследователи истории высылки единодушны в том, что экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась логичным шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту-тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим» (Главацкий М.Е., указ. Соч. С.24)

⁶ Вот отрывок из допроса Бердяева: ««Вопрос. Скажите, гр-н Бердяев, ваши взгляды на структуру Советской власти и на систему пролетарского государства. Ответ. По убеждениям своим я не могу стоять на классовой точке зрения и одинаково считаю узкой, ограниченной и своекорыстной и идеологию дворянства, и идеологию крестьянства, и идеологию пролетариата, и идеологию буржуазии» (Главатский М.Е. Ук.соч.,с.166-167).

⁷ Более подробно об этом см. Гусейнов А.А. Философия и общество. К 100-летию Института философии РАН // Вестник РАН. Т.91, №8, 2021. С. 779-793.

это тот самый случай, когда отрицательный результат обретает особую ценность.

3. Ещё на исходе советской власти по ходу ослабления идеологического пресса в стране складывались философские учения, выпадавшие из его официального канона и тем не менее ставшие точками общественного интеллектуального притяжения. Достаточно назвать имена выдающихся мыслителей А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, методолога Г.П. Щедровицкого. С «реабилитацией» русской философии Серебряного века вокруг имен и учений многих из её выдающихся представителей, В.В. Розанова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, Л. Шестова и др. быстро и спонтанно сложились свои объединения. Особо надо сказать о возвращении уже советских философов, изгнанных в 70-тые годы, среди них в первую очередь об уникальном русском мыслителе Александре Александровиче Зиновьева, 100-летний юбилей которого мы отметили в прошлом году на государственном уровне как общенациональное событие. За последние годы отечественная гуманитарная среда пополнилась новыми общественно значимыми философскими идеями и именами, претендующими на свои собственные философские концепции: В.В. Бибихин, В.А. Подорога, В.С. Стёпин, С.С. Хоружий и др. Словом, современный философский ландшафт является разноцветным, многоцветным.

Плюрализм как идейная разнонаправленность философских систем и учений – это нормальное состояние философии, которая является продуктом свободной мысли, он (по крайней мере, его возможность) является условием здоровой атмосферы умственной жизни. Не существует философии вообще, она всегда является авторским произведением. Говоря о философии, мы всегда уточняем, чья это – философия Декарта, Канта, Чернышевского, Маркса и т.д. Отсюда – плюрализм как её норма.

Но он же (плюрализм) составляет для философии проблему. Философия – это не только имена и школы, она есть также самосознание общества, выражение духа времени, эпохи. Её, в особенности её как самое чистое

порождение ума, создают отдельные личности, живые индивиды, но содержанием своим она охватывает бытие людей и мира в самом общем виде, в их первых принципах. Это значит, что философия выражает цивилизационную перспективу народа, его способность ориентировать себя в семье других народов. Так, русская философия всегда была озабочена вопросом об идеальном образе России, ее месте в истории. В этом аспекте, в стремлении выразить дух эпохи, времени, дух своего общества, своего народа каждая философия стремится стать их общим знаменателем, формой общественного сознания, скрепляющей сознательную деятельность людей. Каждое общество и каждый народ вырабатывают свою собственную философию по мере того, как они поднимаются до уровня собственного видения исторического развития. И само состояние философии, как мудро заметил Декарт, является признаком их цивилизованности.

Национальная идея философии плохо согласуется с плюрализмом философских учений. Вопрос не решается созданием общественных условий для того, чтобы каждое из философских учений могло свободно развиваться в пределах своей школы и своих последователей. Требуется какое-то такое решение, в рамках которого сам плюрализм философских учений был бы необходимой формой философского самосознания общества, по крайней мере, не становился препятствием для этого. Плюрализм философских учений (интересов, школ) может существовать в разных формах. Он может существовать как простое разнообразие философских учений, когда они просто соседствуют, находятся рядом. Может остаться поверхностным явлением или даже стать источником потери умственной самостоятельности. Но плюрализм философских учений может быть также их многообразием внутри единого: это происходит тогда, когда они представляют собой различные ответы на одни и те же общие вопросы, которые волнуют все общество, всех его мыслящих представителей. В этом случае философские учения оказываются внутренне связанными между собой теми общими темами и проблемами, которые интересны для общества в целом, а не только

для сторонников того или иного учения. Эти общие темы и проблемы задаются не философией, а историей самого народа, её переломными вехами, крупными общественными событиями как реформы, войны, смена элит, - событиями, которые сплачивают большие массы людей в определенные группы (партии), обостряют размышления о будущем;* формулируются они политиками, духовными авторитетами, людьми, уполномоченными говорить от имени государства, направлять действия людей в определенное русло. Философия же также застаёт эти волнующие людей и общество общие темы и проблемы, они находят в ней свое выражение и отражение, переводятся на ее «птичий» язык, получают разнообразное концептуальное воплощение и создают новое идейное поле. Тем самым плюрализм философских учений становится единым полемическим пространством, неким подобием общенационального круглого стола.

4. В заключение – несколько выводов о том, чему учит опыт «Философского парохода».

Первый вывод касается общего и различного между философией и идеологией.

Философия и идеология объективно имеют между собой нечто общее: и та и другая являются формами сознания, отвечающими на вопрос об основополагающих принципах сознательной человеческой деятельности.

Между философией и идеологией существуют также различия, которые в своем значении существенных характеристик каждой из них обнаруживаются именно при их осмыслении в качестве различий. Они сводятся к двум важным пунктам.

А) Субъектом философии является каждый живой разумный индивид, поскольку он стремится жить разумно; субъектом идеологии являются большие группы (классы) людей, поскольку они стремятся разумно устроить свою общую (совместную) жизнь.

Б) Философия в обществе как профессиональное занятие всегда существует во множественном числе, философы, поскольку они сами

являются живыми разумными индивидами, предлагают каждый свое понимание того вопроса, которым они занимаются, аргументируя и публично предъявляя его в качестве самого лучшего, и поэтому они в этом отношении схожи с такими мастерами своего дела, как, например, ювелиры и поэты; идеология, напротив, всегда предполагает единственное число, поскольку она призвана обеспечивать единство действий большого количества людей, её не может быть много, как не может быть, например, много императоров в империи, полководцев в армии, руководителей в учреждении.

Второй вывод: он выявляет соблазны, свойственные философии и идеологии.

Исходя из объективно обусловленных совпадений и различий между философией и идеологией как двумя формами общественного сознания, они не могут не тянуться друг к другу и не просто тянуться, а не посягать при этом на суверенитет другого, на его подмену. Каждая философия в её содержательной определенности претендует на то, чтобы считать себя единственно истинной;^{3*} даже тогда, когда она сознает себя в качестве одной из скептических (антидогматических) версий, то сам этот скептицизм она предъявляет в качестве универсального учения. Она в этом смысле стремится стать идеологией для всех людей. Утопический опыт Платона, реализованный им в «Государстве» и «Законах», можно считать вечным соблазном философии. Идеология в её современном светском варианте, какой она, собственно, и приобрела вместе со своим наименованием после Великой французской революции, представляет иррационально=*рациональную конструкцию, в которой движущее иррациональное ядро упрятано глубоко за рациональной оболочкой. И в той мере, в какой наряду с риторическими, эстетическими и прочими моментами идеология использует арсенал рационального познания, а именно, формулирует ценностные принципы коллективного сознания и придает своему содержанию строгий формально-логический вид, она неизбежно апеллирует к философии. Стремление стать философией составляет соблазн идеологии.

Третий вывод: следование этим соблазнам оказывается разрушительным и для философии, и для идеологии. Советское общество, взятое от начала его героического становления и до его катастрофического разрушения, можно считать колоссальным экспериментом, осуществленным на основе и в соответствии с философией Маркса и Энгельса, сторонницей которой была победившая в русской революции 1917 года коммунистическая партия: эту философию эта партия считала единственно научной, вбирающей в себя все ценное, что в области философии накопило человечество. Задача состояла в том, чтобы построить самое передовое общество, общие цели и контуры которого обоснованы в учениях марксизма-ленинизма. Для этого надо было возвести это учение в государственную идеологию, чтобы она стала программой, собирающей воедино и направляющей к общим целям деятельность всего общества. Так марксизм-ленинизм, основой которого является философия диалектического материализма, был возведен в идеологический канон и общую веру всего общества, подкрепленную необходимыми для этого политическими, просветительскими, институциональными и прочими изменениями. В частности, необходимо было очистить (путем запрета, изгнания) общественное пространство от всех других философских теорий как от ненужного мусора. Началом этого процесса очищения и явился «Философский пароход». Это было именно слияние философии и идеологии, превращение первой в обязательную, государственно контролируемую силу и насыщение второй светским рациональным содержанием. Негативный исход данного эксперимента оказался разрушительным и для отечественной философии, и для идеологической жизни страны. Возвращения к философскому плюрализму и отказ от государственной идеологии являются несомненными доказательствами этого. Вопрос о том, как, с какими издержками, потерями и искривлениями произошло одно, и другое – это уже другой вопрос.